

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

УДК 316

DOI 10.23683/2227-8656.2018.3.1

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕЙ: ОТ ПРОЛЕТАРИАТА К ПРЕКАРИАТУ

Тощенко Жан Терентьевич

Член-корреспондент РАН,
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории
социологии Российского государственного
гуманитарного университета,
председатель редакционного совета
журнала «Социологические исследования»,
главный научный сотрудник ФНИСЦ РАН,
научный руководитель социологического
факультета Российского государственного
гуманитарного университета,
г. Москва,
e-mail: zhantosch@mail.ru

В статье обосновывается появление нового социального класса – прекариата, даются объяснение причин его возникновения, его структура и основные его характеристики. Показывается, как созревали идеи о прекариате в недрах научной мысли, в мировой и отечественной социологии. Анализируются различные попытки объяснить процесс изменения социальной структуры: от отрицания классовости современного общества до обоснования появления и функционирования

EVOLUTION OF IDEAS: FROM THE PROLETARIAT TO THE PRECARIAT

Zhan T. Toshchenko

Corresponding Member of the Russian
Academy of Sciences, Doctor of
Philosophical Sciences, Professor; Head of the
Department of Theory and History of Sociology,
Russian State Humanitarian University;
Editor-in-Chief of «Sociological Research»;
Chief Researcher, Institute of Sociology of the
Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology of the Russian Academy of Science;
Dean of the Faculty of Sociology,
Russian State Humanitarian University,
Moscow,
e-mail: zhantosch@mail.ru

The article justifies the emergence of a new social class – precariat; explains the reasons for its occurrence, its structure and its main characteristics. It shows how the ideas about precariat matured in the depths of scientific thought, in world and Russian sociology. Various attempts to explain the process of changing the social structure are analyzed: from the denial of the class nature of modern society to the justification for the emergence and functioning of the middle class and underclass, the

ния среднего класса и андеркласса, выявления таких специфических групп, как правящий класс (бюрократия), креативный класс, сословия и др. По мнению автора, основная проблема в социально-классовой структуре связана с проблемой занятости: формальным и неформальным трудом, самозанятостью, заемным трудом и другими стратификационными группами (общностями). Осуществляется сравнение прекариата с другими социальными группами. Раскрываются специфика этого класса, его место и роль в современном разделении труда, его положение на рынке труда, первые ростки его осознания как «класса для себя».

Ключевые слова: общество; классы; прекариат; пролетариат; социальная структура; занятость.

attempts to identify the specific groups like the ruling class (bureaucracy), the creative class, estates, etc. According to the author, the main problem in socio-class structure is connected with the problem of employment: formal and informal work, self-employment, extra work and other stratification groups (communities). A comparison of the precariat with other social groups is carried out. The specifics of this class, its place and role in the modern division of labor, its position in the labor market, the first sprouts of its awareness as a "class for itself" are revealed.

Keywords: society; classes; precariat; proletariat; social structure; employment.

От классовой к социально-классовой и стратификационной структуре

В течение более чем двух столетий социальная мысль оперировала понятием «классы». Сначала это были немецкие историки, которые первыми попытались осмыслить новые реалии становящегося буржуазного общества. До этого и научная мысль, и политико-правовая практика оперировали понятиями «господин» (в разных вариантах) и «раб» (рабовладельческий строй), «сословия» (феодальный строй), отражавшими иерархию подчинения и место в разделении труда. С приходом буржуазного общества прежние лики социального расслоения приобрели новое выражение и новое звучание, так как отражали новую реальность экономического и политического устройства общества. Постепенно пришло осознание, что возникли принципиально новые социальные группы и общности, которые в результате поступательного развития приобрели вид двух основных классов – буржуазии и пролетариата (рабочего класса). При этом крестьянство, которое в эпоху наступивших капиталистических преобразований составляло большинство населения, считалось пассивной социальной силой, которая была лишь базой формирования пролетарских слоев и некой вспомогательной силой, обеспечивающей функционирование одной из отраслей национального хозяйства – сельскохозяйственного производства.

Новые реалии получили у К. Маркса принципиально иной анализ, на основе которого он создал теоретическую концепцию, согласно ко-

торой основными классами во вновь преобразованном капиталистическом обществе стали пролетариат (рабочий класс), буржуазия, крестьянство. Такое представление о классах было практически единственным до начала XX в. Так как у Маркса не было специального определения этого понятия, марксисты пользовались трактовкой класса, данного В.И. Лениным: «Классами называются большие группы людей, различающихся по их месту в исторически сложившейся системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы – такие группы людей, из которых одна может присваивать труд другой благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства» (Ленин, 1970. Т. 39, с. 49). Это аргументированное определение в основном соответствовало реально сложившимся социально-экономическим отношениям, особенно применительно к европейскому и североамериканскому контексту. Оно в той или иной мере разделялось многими последующими мыслителями, хотя и с некоторыми оговорками.

Так, М. Вебер, соглашаясь с таким возможным определением класса, в качестве основных его показателей называл частную собственность в условиях рынка (в соответствии с этим он считал, что классы присущи только капитализму, в отличие от Маркса, утверждавшего, что классы сопровождают человечество во все периоды исторического развития частнособственнических формаций), уровень образования и квалификации. Он доказывал, что при характеристике классов необходимо учитывать не только экономические индикаторы, но и социально-культурный контекст. «Я хотел бы возразить, – подчеркивал он, – против утверждения... что только какой-то один фактор, будь то технология или экономика, может быть “последней” или “истинной” причиной» (Вебер, 1990).

Предложенная П.А. Сорокиным стратификационная модель общества также брала за основу иное видение социально-классовой структуры – социально-профессиональное деление общества в сочетании с социальной мобильностью и социальным статусом (престижем), что позволяло видеть социальную структуру в огромном многообразии компонентов общественного устройства (Сорокин, 1992).

Реальная жизнь все же требовала ответить на вопрос, имеющий не только теоретическое, но и практическое значение, – так какова же социальная структура современных обществ, в том числе и российского?

Какие изменения происходят в ней, в каком направлении и в чем это выражается?

В XX в. продолжился поиск ответа на эти поставленные жизнью вопросы. Наряду с названными концепциями стали рождаться и другие трактовки социально-классовой структуры. Среди них особую популярность с конца 1920-х гг. приобрела «революция менеджеров», согласно которой высший слой общества разделялся на класс буржуазии (собственников) и управляющих этой собственностью – менеджеров. Именно последние, по этой трактовке, стали реально доминировать в процессе организации и управления промышленным (да и не только им) производством. Некоторые исследователи (М. Бёрнгейм, «Революция менеджеров» (1941)) стали говорить о коренном изменении их роли: к ним, дескать, переходит вся реальная власть по руководству развитием экономики и, соответственно, общества. Однако эта концепция продержалась недолго: процесс развития общественного производства показал, что определяющая роль собственников-капиталистов никуда не делась – она просто модифицировалась под влиянием происходящих сдвигов в индустриальном развитии общества, что сказалось на росте влияния менеджеров, но без права вершить им судьбы экономики отдельных отраслей экономики, а тем паче мира (см. также: Тощенко, 2016).

Особо следует отметить, что под влиянием Октябрьской революции класс капиталистов пошел на значительные уступки пролетариату (рабочему классу), что привело к серьезным сдвигам в их взаимоотношениях, в социально-классовой структуре общества, стало отражением стремительного изменения современного мира и, соответственно, сказалось на появившихся новых трактовках происходящего. В 1950–1970-е гг. в теорию и практику вошли некоторые положения кейнсианской теории, что позволило утверждать о наступившей эпохе государства всеобщего благоденствия. Кейнс исходил из того, что мир меняется не только в технико-технологическом, экономическом и политическом, но и в социальном смысле: прежние классы серьезно модифицировались, приобрели новые качества, что, как следствие, потребовало иной интерпретации происходящих классовых трансформаций (Кейнс, 2007).

Реальное развитие капиталистических обществ показало, что отношения собственности, место работника в процессе труда уже в неполной мере характеризовали современное их устройство. Поэтому для некоторых исследователей эти изменения позволили предположить, что классы как таковые исчезают, прекращают существование и превращаются в одну слабодифференцированную массу в соответствии с выдвиг-

нутой концепцией о государстве всеобщего благоденствия. С этих позиций были высказаны сомнения и даже отвергнуты все прежние формулировки и определения классов как изжившие себя, не отражающие новых реалий и не объясняющие коренных трансформаций социальной структуры общества. Именно поэтому А. Горц писал о «конце рабочего класса» (Gorz, 1982). Фактически классовая структура отрицалась в произведениях Э. Тоффлера в связи с вступлением обществ в информационную эпоху (Тоффлер, 2001). Прежней социально-классовой структуре не находилось места и в размышлениях Хантингтона (Хантингтон, 2003).

Поиски новых объяснений социально-классовых изменений

Реальная жизнь и ее осмысление показали, что классовая структура никуда не исчезла – она приобрела иной вид и иные параметры. А так как прежние ориентиры перестали быть определяющими, начался поиск новых индикаторов того состояния социальной структуры, которая было присуща большинству существующих в настоящее время обществ.

Научный мир двигался к необходимости понимания новой реальности через многочисленные попытки определить и объяснить кардинальные сдвиги, происходящие в обществе. Так, У. Бек выступил с концепцией общества риска (Бек, 2000), в которой охарактеризовал многочисленные изъяны и непредвиденные деформации, ставшие неотъемлемой частью экономической, социальной, политической и культурной жизни многих стран мира. С особыми соображениями по поводу классовой структуры выступил М. Хальбвакс (Хальбвакс, 2002). Осмысливал неопределенность в обществе и в ее социальной структуре и З. Бауман (Бауман, 2008), который подчеркивал стремительно меняющуюся ситуацию во всех сферах общественной жизни, растущую нестабильность всех ранее относительно устойчивых процессов.

Среди этих новых поисков можно отметить принципиально другие идеи, связанные с установлением взаимосвязи с экономикой, главным образом с рынком труда.

Предтечей к новому разговору о социальной структуре общества послужил обстоятельный (один из первых) анализ формального и неформального сектора экономики, осуществленный К. Хартом в конце 1960-х – 1970-е гг. Анализируя виды и формы получения доходов по результатам трудовой деятельности, было обращено внимание на их специфику в сфере услуг, ремесел, строительства, транспорта, мелкой торговли, которые качественно и количественно отличались от оплаты труда в секторах формальной (официальной) экономики. Эти формы

вознаграждения за труд в этих сферах во все большей мере связывались с таким индикатором, как занятость, которая все чаще и в постоянно расширяющихся масштабах базировалась на самом факте устной (личной) договоренности об условиях оплаты труда и нередко на изначальном отсутствии социальных гарантий (отпусков, больничных листов и т.д.) (Hart, 1973. P. 68).

У Дарендорфа эта новая классовая структура стала производной от структуры власти, которой класс определяется через отношение к власти (Дарендорф, 2002). Э. Гидденс ключевым в своих рассуждениях о классе сделал понятие «рынок», его он считал не только совокупностью экономических отношений, но и фундаментом политической власти. В его модели общества понятие «структурация» выступает общим, а понятие «класс» – частным ее проявлением. Его выражение «дуальность структуры» означает, что люди, с одной стороны, создают общество, с другой – сами же ограничены этим обществом. Действие и структура не могут быть анализированы по отдельности (Гидденс, 2003).

Получила определенное распространение трактовка бюрократии как господствующего и определяющего строй общества класса, что нашло яркое выражение в произведении М. Джиласа «Новый класс» (1957) (Джилас, 1961). Именно его обозначение бюрократии, как «нового класса», оказывающего определяющее влияние на развитие общества, олицетворяют такие показатели, как ее владение символическим и политическим капиталом. В применении к Советскому Союзу такой анализ осуществил М.С. Восленский (Восленский, 1991). Именно эти показатели развития бюрократии отражали новый тип классовообразования в отличие от всех ранее предлагаемых. Сходный вывод сделал и Паркин: «Важным вопросом является не производство прибавочного продукта, а предоставление государством ограниченному кругу избранных права на перекрытие доступа оставшейся части общества к “средствам, необходимым для жизни и труда”» (цит. по: Ильин, 2000. С. 236).

Стоит упомянуть и позицию И. Валлерстайна, который, будучи неомарксистом, поддержал идею Маркса о «классе в себе» и «классе для себя», понимая под первыми «становящиеся классы», а под вторыми – «ставшими классами». Причем в отличие от многих марксистов он не проводит различия между объективным положением класса и субъективной принадлежностью к нему. «Объективное положение класса является реальностью лишь постольку, поскольку оно становится субъективной реальностью для группы» (Валлерстайн, 2001. С. 86).

Из поисков в объяснении социально-классовых изменений, на наш взгляд, стоит отметить появление концепции креативного класса, кото-

рую связывают с именем американского социолога Р. Флориды. По его мнению, это совокупность людей, занятых в научной и технической сфере, архитектуре, образовании, искусстве, музыке, индустрии развлечений, а также занятых в бизнесе, финансах, праве (Флорида, 2007. С. 23). В характеристике этого класса акцент делался не на материальном благополучии, а на новых принципах работы, на преобладании горизонтальных связей в их жизни, на новой этике.

В отечественной литературе в последние годы стало также обосновываться употребление таких понятий, как «креативный класс», «креативные группы», в основе деятельности которых возрастающее значение приобретало «творчество путем создания радикально новых или преобразования уже существующих форм» (Волков, 2016; Нова ли новая Россия, 2016. С. 328). Однако это была характеристика хотя и важного, но одного фрагмента в стратификационной структуре общества. Попытки отечественных социологов (Волков, 2016) применить это к ситуации в России все же оставили открытым вопрос об индикаторах этой креативности, о том, всем ли представителям названных профессий и специальностей присуще проявление творчества, и могут ли претендовать на это наименование высококвалифицированные рабочие, а не только специалисты в области производства? И в этой концепции нет ответа на вопрос – если есть такой класс, то какие еще классы наряду с ним существуют в современном обществе?

Особое место в анализе классовых и стратификационных отношений занимает постепенно складывающаяся концепция о разделении социальной структуры общества на белых и синих воротничков, получившая распространение с 20–40-х гг. XX в. как отрицание марксистского утверждения о разделении общества на буржуазию и эксплуатируемый ею пролетариат. Эта концепция исходила из того, что удельный вес интеллектуального труда изменил весь ландшафт классовой структуры общества. Согласно ей, сложилась принципиально иная ситуация, когда работники умственного и физического труда сблизались как в профессиональном отношении, так и в значительной степени в оплате их труда, в результате чего их социальное положение во все меньшей степени противостояло друг другу. Эта концепция и практика ее реализации в производственной и общественной жизни постепенно подготовили новый этап в осмыслении происходящих изменений в социальной структуре общества, что нашло отражение в появлении нового концепта – средний класс. Его сторонники постепенно пришли к выводу, что технологическая и информационная революция подготовила появление достаточно широкого слоя работников, которые мало чем отличались друг

от друга по уровню доходов, образованию и квалификации, схожести жизненного мира, сопричастности к жизни не только своих трудовых организаций, но и страны в целом. Более того, среднему классу стали приписывать такую функцию, как обеспечение стабильности общества, осуществление гарантий существования строя, сохранения последовательного соблюдения прав и свобод человека.

Идеи этой концепции были поддержаны и отечественными исследователями. Представление о среднем классе в условиях постсоветской России заняло особое место, быстро приобрело популярность и получило значительное развитие (подробнее см. работы Л.А. Беляевой, В.Н. Бобкова, М.К. Горшкова, З.Т. Голенковой, Н.Е. Тихоновой, О.И. Шкаратана и др.). Этому классу приписывались сравнительно высокая материальная обеспеченность, стабильный потребительский спрос, социальный престиж, гарантированная занятость, чувство автономности существования.

Вместе с тем исследователями социально-экономических и социально-политических проблем, в том числе и разработчиками концепции среднего класса (слоя), достаточно быстро было обнаружено, что при всей привлекательности такого подхода к социальной структуре общества стало очевидным, что этот класс слишком неоднороден. Более того, он одним из первых подвергся размыванию, уменьшению своего количества и объема. Поэтому появилась концепция «сплюснутого среднего класса», «сплюснутой середины» (the squeezed middle) Э. Миллбанда, под которой он понимал часть социальных слоев общества, особенно страдающих от инфляции, замораживания зарплат и сокращения государственных расходов во времена экономических кризисов и обладающих средним и низким уровнем дохода. Но такой подход фиксирует некоторые внешние признаки деформации социально-классовой структуры, в данном случае – среднего класса, и мало что дает как науке, так и практике управления.

Попытки по-новому осмыслить происходящие изменения в среднем классе привели отечественных исследователей к попыткам разделить его на высший, средний и низший классы, в большинстве случаев центральным показателем делая уровень дохода и не всегда давая убедительного объяснения, что все же считать средним классом. Так, в 2008 г. в исследовании «Левада-центра» «Российский средний класс» были применены следующие критерии отбора для зачисления в этот класс: средний доход на члена семьи в месяц по стране – 800 евро (для Москвы – 1500 евро, для Санкт-Петербурга – 1000 евро), образование не ниже незаконченного высшего. В 2017 г. эти ориентации существен-

но изменились – в среднем россияне претендовали на среднедушевой доход в размере 80 тыс. руб. (1100 евро) в диапазоне от 60 до 120 тыс. руб. по различным регионам страны.

Обстоятельный анализ структуры среднего класса привел Н.Е. Тихонову к выводу, что современное «российское общество стало обществом массового нижнего среднего класса» наряду с верхним средним и средним слоями, и в то же время она подчеркивает, что в России сложилась неустойчивая социальная структура с плавающим социальным статусом (Тихонова, 2016. С. 325, 334).

Рядом исследователей обосновываются другие индикаторы социально-классовой структуры, среди которых нередко на первое место выходят не объективные показатели, а самооценка своего положения. В результате получались парадоксальные данные: при исследовании жизненного мира жителей сибирских поселков, в которых прекратили свое существование леспромхозы и были ликвидированы колхозы и совхозы, более половины из них отнесли себя к среднему классу (мол, у нас есть огород, в тайгу ходим за дичью, грибами и ягодами, в реке ловим рыбу, т.е. все есть для «нормальной жизни»). В этом случае играет эффект так называемого пафоса, согласно которому человек не хочет признать свое ущербное положение и ищет оправдание своему теперешнему жизнеустройству.

Поэтому неудивительно, что в социологической литературе мы встречаем разные количественные оценки этого класса – от нескольких процентов до 44 % всего населения и 47 % работающих (Мареева, 2016. С. 20). Вместе с тем, понимая рыхлость конструкции этого понятия, когда при основном критерии – доходе – сюда попадали разнородные слои населения, были предприняты попытки упорядочить представления о среднем классе, разделив его на нижний, средний и высший средний классы. Такое деление отражало не столько сущность этого феномена, сколько текущую социально-экономическую ситуацию, когда под влиянием ее изменений, особенно кризиса, численность этих слоев, в первую очередь нижнего, серьезно менялась (Горшков, 2017. С. 5–13; Тихонова, 2005). В отечественной литературе этот поиск также нашел отражение и в других объяснениях этой новой ситуации (см., например: Радаев, 1996).

Ряд исследователей поставили под сомнение само понятие «средний класс». Они стали утверждать, что это лучше именовать средним слоем (средними слоями), так как выявить их общие характеристики оказалось слишком затруднительным (Симонян, 2016). Другие критики обратили внимание на то, что абсолютизация и некритичное отношение

к социально-классовой структуре привели к неприемлемому утверждению, что как будто иных классов в современном обществе, кроме среднего, не существует. Понимая ограниченность такой интерпретации, были предприняты попытки найти выход из этого положения и выявить и такое социально-классовое образование, как андеркласс (Балабанова, 1999; Гонтмахер, 2017; Жвितिашвили, 2008), что при всей важности такого определения все же не отвечает на вопрос о тех социальных общностях и группах, которые не обладают чертами среднего класса, но и не могут относиться и к пауперизированным слоям.

На пути к обоснованию прекариата

Новые реалии второй половины XX – начала XXI в. наглядно демонстрировали тот факт, что во многих странах мира все большее и большее количество людей оказались в положении, которое многие предпочли называть деформированным, теневым, неформальным (неофициальным). Это означало, что в трудовых отношениях для возрастающего количества людей все больше места стала занимать проблема занятости, т.е. обеспеченности работой со всеми вытекающими отсюда жизненными потребностями и интересами. Как государство, так и работодатели стали в той или иной мере дистанцироваться от официальных обязательств, что стало проявляться в том, что между работодателем и работником все чаще использовалась и даже преобладала персональная договоренность без взаимных правовых гарантий, без гарантий защиты элементарных норм труда, которые ранее существовали в цивилизованном мире. Такие отношения приводили к тому, что работодатели (или его представители) могли произвольно менять формы и объемы занятости, место приложения труда, оплату труда, добиваться «сдержанности» в своих требованиях, ссылаясь на объективные и другие затруднения. Это неопределенное, переходящее в бесправное положение особенно ярко демонстрируют так называемые временные (сезонные, эпизодические) работники, которых берут выполнять трудовые функции без права фиксированной, регулярной и гарантированной занятости и зачастую с неопределенным размером оплаты труда. Для молодежи нередко использовались оговорки – для якобы проверки ее профессиональной готовности выполнять порученные обязанности, молодых людей нередко увольняли как не оправдавших надежд, а на их место набирали новых работников, готовых на ущемленные права, временные жертвы и лишения.

В конце XX – начале XXI в. было выявлено, что наряду с трактовкой среднего класса и другими изменениями в социально-классовой

структуре общества стали созревать иные представления, которые в основу ее классификации ставили не доход, образование и социальный статус, а гарантии устойчивой трудовой занятости, наличие социальной защищенности, сохранения профессиональной идентичности, соучастия в управлении и уверенность в будущем. Такая направленность анализа становилась чрезвычайно важной хотя бы потому, что слои населения, стремящиеся к достижению этих характеристик, стремительно росли за счет не только рабочего класса и крестьянства, но и всех слоев населения.

Однако такое осознание возникновения нового класса / общности произошло не сразу, хотя эти новые изменения социально-классовой структуры происходили во всем мире, в первую очередь в развитых странах.

Один из первых шагов в этом направлении осуществили французские социологи в 1980-е гг. Принципиально новый подход к осмыслению изменений в социальной структуре совершил П. Бурдьё, исследуя положение сезонных рабочих. Он расширил представление об этой общности, включив в анализ увеличивающуюся массу работников, занятых на временных и эпизодических работах. Именно тогда впервые появилось слово «прекариат», которым обозначали слой работников, который характеризуется нестабильной трудовой занятостью, отсутствием у них гарантированных социальных благ, незащищенностью в период сложных жизненных ситуаций (Бурдьё, 1993, 2004; Bourdieu, 1998). Постепенно эти слои стали привлекать внимание и других исследователей – З. Баумана (Bauman, 1998), Ю. Хабермаса (Habermas, 1985), М. Хардта и Т. Негри (Hardt, 2000).

В ответ на эти новые тенденции и реальную практику отечественные исследователи, осмысливая новые реалии, обратили внимание на отдельные процессы и социальные группы, которые не были присущи советскому обществу, но стали реальностью в постсоветской России. Эти попытки нашли отражение в изучении и анализе нового социального положения людей, связанного с феноменом безработицы (В.В. Радаев, О.И. Шкаратан, Р.Х. Симонян), дауншифтинга (Н.Е. Покровский), фриланса (О.Д. Стрелков, А.В. Шевчук) и т.д. Особое место в этом поиске занимает концепция неформальной занятости, когда люди вступают в трудовые отношения на основе устной договоренности (В.Е. Гимпельсон, Р.И. Капелюшников). Все они в той или иной степени обратили внимание на то, что эти отношения резко увеличивают риски ущемления работодателями трудовых прав и социальных гарантий работников. В результате значительная часть занятых этим трудом приобретают статус и черты прекариата.

В процессе осмысления новой реальности постепенно появились оригинальные и обстоятельные работы, анализирующие состояние и проблемы отдельных групп работников, относимых к прекариату: заемный труд (Козина, 2013), труд занятых в сфере услуг со своеобразной его характеристикой как эмоционального труда (Hochschild, 2003), концепцию стратегий занятости (Резник, 2014).

К попытке увидеть многообразие изменений в социально-классовой структуре можно отнести и предложение некоторых исследователей обратиться к понятию «сословие», что, на наш взгляд, имеет некоторые основания (см.: Кордонский, 2008, 2012; Немировский, 2017). К весьма спорным можно отнести такие феномены, как новые дворяне, казаки, «офисный планктон» и др.

В современных условиях большое значение стала приобретать концепция самозанятости, которая предложила иную трактовку, нацеленную на преодоление противоречивости при использовании терминов «неформальный сектор труда» и «неформальная занятость». Этот подход позволяет конституировать часть неформально занятых при приобретении ими официального признания их труда и установлении с государством особых правовых отношений. Но, на наш взгляд, это признание достаточно противоречиво. С одной стороны, после указа президента о признании такого вида занятости при перечислении профессий не все самозанятые могут воспользоваться этим правом. С другой стороны, такое оформление связано со сложностью своего конституирования как самозанятого, права и обязанности которого отягощены для многих из них неуверенностью и неопределенностью как своего настоящего, так и будущего. В результате за год после указа в общей сложности зарегистрировалось всего около двухсот человек, в основном нянь и парикмахеров, что ставит под сомнение (при всей привлекательности исходной идеи) продуманность законодательного акта, его научную обоснованность и применимость в реально складывающихся трудовых отношениях (подробнее см.: Белоусов, 2016).

Так как названные слои связаны с серой и черной (теневой) экономикой, то, вполне естественно, возник вопрос о криминальной ее составляющей, так как в реальности, как показала жизнь, иногда трудно провести границу между ними.

В новом словаре формирующихся рыночных отношений возникла еще одна идея – говорить еще об одном слое (общности, классе?), который именуют элитой. Появилось значительное количество произведений, в которых доказывается наличие этого слоя, главным индикатором которой выступает наличие власти (определенного уровня) и значи-

тельного капитала (Ашин, 2005; Крыштановская, 2005; Понеделков, 1995, и др.).

Были предприняты и другие попытки выявить и охарактеризовать особенности новой конфигурации социально-классовой структуры (Мальцева, 2016).

Иначе говоря, все большим количеством исследователей было обращено внимание на то, что в мире, в большинстве стран сложилась социально-классовая структура нового типа, для описания и анализа старые понятия не работают (подробнее см.: Тощенко, 2015). Наиболее отчетливо эту изменившуюся реальность и потребность в ее осмыслении сформулировал и осуществил Г. Стэндинг, который одним из первых не только заметил специфику и характерные особенности новых слоев, но и констатировал их постоянное увеличение, их распространение практически во всех странах мира, назвав этот феномен прекариатом (Стэндинг, 2014. С. 23).

В 2000-е гг. к пониманию новой ситуации в социально-классовой структуре постепенно подошли и отечественные исследователи (Голенкова, 2016; Бизюков, 2014; Михайлова, 2015;), публицисты (Мельник, 2007; Механик, 2014; Мармер, 2009). Каждый из них по-разному трактовал сущностные и содержательные признаки прекариата, но все сходится на том, что он представляет новое, объективное и все четче проявляющее себя явление, с которым невозможно не считаться.

Все это позволяет утверждать, что наличие такого разнообразия новых деформированных социальных слоев (общностей, групп) говорит не о некоторых издержках развития, а об устойчивой тенденции по формированию нового социального класса – прекариата. Для этого сначала рассмотрим специфику понимания такого его ключевого индикатора, как занятость, но не только саму по себе, а в контексте социального пространства, которое включает совокупность социально-трудовых отношений, качество жизни, гарантии стабильной с правовой защищенностью работы и уверенность в своем будущем. Такой подход требует также выявления причин возникновения и функционирования этих социальных слоев, претендующих на превращение их из «класса-в-себе» в самостоятельный класс – «класс-для-себя».

Литература

Ашин Г.К., Охотский В.В. Элитология. М., 2000.
Балабанова Е. Андекласс: понятие и ме-

References

Ashin G.K., Okhotsky V.V. (2000). Elitology. M.
Balabanova E. (1999). Underclass: con-

сто в обществе // Социологические исследования. 1999. № 12.

Бауман З. Текущая современность. СПб., 2008.

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.

Белусов О.А. Самозанятость как действенный ресурс жизнеобеспечения населения современной России // Российское предпринимательство. 2016. № 17.

Бизюков П. Что такое прекариат? // Газета.ру. 2014. 1 мая.

Бурдьё П. Различение: социальная критика суждения (фрагменты из книги) / пер. с фр. О.И. Кирчик // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004.

Бурдьё П. Рынок символической продукции // Вопросы социологии. 1993. Т. 1, № 2.

Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.

Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

Волков Ю.Г. Креативный класс. Ростов н/Д., 2016.

Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.

Гидденс Э. Устроение общества: очерки теории структуризации. М., 2003.

Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. Нормально ли быть неформальным? // Экономический журнал ВШЭ. 2013. № 1.

Голенкова З.Т., Голусова Ю.В. Прекариат как новое явление в современной социальной структуре // Наемный работник в современной России. М.: Новый хронограф, 2015. С. 121–138.

Гонтмахер Е. Российский человеческий капитал: состояние и тенденции // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61, № 3.

Горшков М.К. Российский социум в условиях кризисного развития // Социологические исследования. 2017. № 1.

Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М., 2002.

Джилас М. Новый класс. М., 1961.

Жвйтиашвили А.Ш. Андеркласс в клас-

cept and place in the society. Sotsiologicheskie issledovaniya. No. 12.

Bauman Z. (2008). Flowing modernity. St. Petersburg.

Beck W. (2000). Risk Society. On the way to another modernity. M.

Belousov O.A. (2016). Self-employment as an effective resource of life support for the population of modern Russia. Rossiyskoe predprinimatel'stvo. No. 17.

Bizyukov P. (2014). What is a prekariate? Gazeta.ru. May 1.

Bourdieu P. (2004). Distinction: social criticism of judgments (fragments from the book). Western economic sociology: reader of modern classics. M.: ROSSPEN.

Bourdieu P. (1993). The Market of Symbolic Products. Voprosy sotsiologii. Vol. 1, No. 2.

Wallerstein I. (2001). Analysis of world systems and the situation in the modern world. St. Petersburg.

Weber M. (1990). Selected works. M.

Volkov Yu.G. (2016). Creative class. Ros-tov-on-Don.

Voslensky M. (1991). Nomenclature. The ruling class of the Soviet Union. M.

Giddens E. (2003). The organization of society: Essays on the theory of structure, M.

Gimpelson V.E., Kapelyushnikov R.I. (2013). Is it normal to be informal? Ekonomicheskij zhurnal VSHE. No. 1.

Golenkova Z.T., Golusova Yu.V. (2015). Prekariat as a new phenomenon in the modern social structure. Employee in modern Russia. M.: New chronograph. P. 121-138.

Gontmakher E. (2017). Russian Human Capital: Status and Trends. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. Vol. 61, No. 3.

Gorshkov M.K. (2017). Russian society in the conditions of crisis development. Sotsiologicheskie issledovaniya. No. 1.

Darendorf R. (2002). Modern social conflict. Essay on the policy of freedom. M.

Djilas M. (1961). A new class. M.

Zhvitiashvili A.Sh. (2008). Underclass in

сово-стратификационной структуре российского общества // Модернизация социальной структуры российского общества / отв. ред. З.Т. Голенкова. М. : ИС РАН, 2008. С. 124–139.

Ильин В.И. Социальное неравенство. М., 2000.

Капелюшников Р. Неформальная занятость в России: что говорят альтернативные определения? Препринт ВШЭ. WP3/2012/04. Режим доступа: <https://iq/hse/ru/news/177671307.html>.

Кейнс Д.М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное / вступ. ст. Н.А. Макашевой. М. : Эксмо, 2007.

Козина И.М. Работники заемного труда // Социологические исследования. 2013. № 5.

Кордонский С.Г., Дехант Д.К., Моляренко О.А. Сословные компоненты социальной структуры России: гипотетико-дедуктивный анализ и попытка моделирования // Мир России. 2012. Т. 21, № 2. С. 62–102.

Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. М. : Ин-т фонда «Общественное мнение», 2008.

Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. М. : Захаров, 2005.

Ленин В.И. Великий почин (О героизме рабочих в тылу. По поводу коммунистических субботников) // Полн. собр. соч. Т. 39.

Мальцева А.В., Шилкина Н.Е., Махниткина О.В. Об эмпирических индикаторах социальной структуры и социальной стратификации // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 33–42.

Мареева С.В. Численность и состав среднего класса в современной России // Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований / под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М. : Весь мир, 2016. С. 15–37.

Мармер Э. Что такое прекариат // Neue Ztiten. 2009. № 5 (071).

Мельник Е. Прекариат всех стран, соединяйся! // Еженедельник 2000 – Свобода слова. 2007. № 48. 30 нояб. – 6 дек.

Механик А. Униженные и оскорбленные современного мира // Эксперт. 2014. № 1 (929).

Михайлова М.Н. Прекариатизация трудовых отношений // Теория и прак-

the class-stratification structure of the Russian society. Modernization of the social structure of Russian society / отв. red. Z.T. Golenkova. M.: IS RAS.

Ilyin V.I. (2000). Social inequality. M.

Kapelyushnikov R. Informal employment in Russia: what do alternative definitions say? Preprint of the Higher School of Economics. WP3 / 2012/04. Available at: <https://iq/hse/en/news/177671307.html>.

Keynes D.M. (2007). General theory of employment, interest and money. Selected / entry. article by NA Makasheva. M.: Eksmo.

Kozina I.M. (2013). Employees of loan work. Sotsiologicheskie issledovaniya. No. 5.

Kordonsky S.G., Dekhant D.K., Molyarenko O.A. (2012). Class components of the social structure of Russia: hypothetical-deductive analysis and attempt of modeling. Mir Rossii. Vol. 21, No. 2. P. 62-102.

Kordonsky S.G. (2008). The class structure of post-Soviet Russia. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation.

Kryshtanovskaya O.V. (2005). The anatomy of the Russian elite. M. : Zakharov.

Lenin V.I. Velykii initiative (On the heroism of the workers in the rear, about the communist subbotniks). Vol. 39.

Maltseva A.V., Shilkina N.E., Makhnitkina O.V. (2016). On empirical indicators of social structure and social stratification Sotsiologicheskie issledovaniya. No. 10. P. 33-42.

Mareeva S.V. (2016). Number and composition of the middle class in Contemporary Russia. Middle class in modern Russia. Experience of many years of research / Ed. M.K. Gorshkov and N.E. Tikhonova. M.: All the World. P. 15-37.

Marmer E. (2009). What is the prekaryat. Neue Ztiten. No. 5 (071).

Melnik E. (2007). Prekariat of all countries, unite! Weekly 2000 - Freedom of Speech. No. 48. November 30 - December 6.

Mechanic A. (2014). Humiliated and offended by the modern world. Expert. No. 1 (929).

Mikhailova M.N. (2015). Prekaria-tizatsiya labor relations. Teoriya i prak-

тика общественного развития. 2015. № 20.

Немировский В.Г. Представления о справедливости в контексте сословной структуры современного российского общества // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 40–47.

Нова ли новая Россия? / под ред. О.И. Шкаратана, Г.А. Ястребова; науч. консультант Д. Лейн. М.: Универс. книга, 2016.

Понеделков А.В. Элита (Политико-административная элита: проблемы методологии, социологии, культуры). Ростов н/Д., 1995.

Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: Аспект-Пресс, 1996.

Резник Т.Е., Резник Ю.М. Жизненные стратегии личности. Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/381/829/1219/001_Reznik_100-105.pdf.

Симомян Р.Х. Без гнева и пристрастия: экономические реформы 1990-х годов и их последствия для России. М.: Экономика, 2016.

Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

Стрелков Д.О., Шевчук А.В. Фрилансеры на российском рынке труда // Социологические исследования. 2010. № 2.

Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М., 2014.

Тихонова Н.Е. Место среднего класса в социальной структуре российского общества // Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований / под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2016. С. 310–336.

Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России. М.: Ин-т социологии РАН, 2005.

Толфлер Э. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века. М., 2001.

Тощенко Ж.Т. Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3–13.

Тощенко Ж.Т. Социология жизни. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2016.

Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2007.

tika obshchestvennogo razvitiya. No. 20.

Nemirovsky V.G. (2017). Representations about justice in the context of the class structure of modern Russian society. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 9. P. 40-47.

Is there a new Russia? (2016) / Ed. O. Shkaratan, G.A. Yastrebov; sci. consultant D. Lein. M.: Univers. kniga.

Ponedelkov A.V. (1995). Elite (Politico-administrative elite: problems of methodologies, sociology, culture). Rostov-on-Don.

Radaev V.V., Shkaratan O.I. (1996). Social stratification. M.: Aspect-Press.

Reznik T.E., Reznik Yu.M. Life strategies of personality. Available at: http://ecsocman.hse.ru/data/381/829/1219/001_Reznik_100-105.pdf.

Simonyan R.Kh. (2016). Without anger and predilection: the economic reforms of the 1990s and their consequences for Russia. M.: Economics.

Sorokin P.A. (1992). Human. Civilization. Society. M.

Strelkov D.O., Shevchuk A.V. (2010). Freelancers in the Russian labor market. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 2.

Standing G. (2014). Prekariat: a new dangerous class. M.

Tikhonova N.E. (2016). The middle class in the social structure of Russian society. Middle class in modern Russia. Experience of many years of research / Ed. M.K. Gorshkov and N.E. Tikhonova. M.: All the World. P. 310-336.

Tikhonova N.E. (2005). Social stratification in modern Russia. M.: Institute of Sociology, RAS.

Toffler E. (2001). Metamorphoses of power. Knowledge, wealth and strength on the threshold of the 21st century. M.

Toshchenko Zh.T. (2015). Prekariat - a new social class. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 6. P. 3-13.

Toshchenko Zh.T. (2016). Sociology of life. M.: UNITY-DANA.

Florida R. (2007). Creative class: people who change the future. M.

Хальбвакс М. Социальные классы и морфология. М.; СПб., 2002.

Хантингтон С.Ф. Третья волна. Демократия в оценке XX века. М. : РОССПЭН, 2003.

Bauman Z. Work, consumerism and the new poor. Philadelphia: Open University Press, 1998.

Bourdieu P. Le precarite est aujourd'hui partout (Precariousness is Everywhere Nowadays) // Contre-feux. Paris, 1998. P. 96–102.

Gorz A. Farewell to the Working Class: An Essay on Post-Industrial Socialism. London, 1982.

Habermas J. Der philosophische Diskurs der Moderne. Frankfurt am Main, 1985.

Hardt M., Negri A. Empire. Cambridge, MA, 2000.

Hart K. Informal Urban Income Opportunities and Urban Employment in Ghana // Journal of Modern African Studies. 1973. No 1. P. 61–90.

Hochschild A. The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling. Berkley: Univer. of California Press, 2003.

Weber M. Economy and Society. Berkley, 1978. Vol. 1.

Halbwachs M. (2002). Social Classes and Morphology. M.; St. Petersburg.

Huntington S.F. (2003). The third wave. Democracy in the assessment of the twentieth century. M.: ROSSPEN.

Bauman Z. (1998). Work, consumerism and the new poor. Philadelphia: Open University Press.

Bourdieu P. (1998). Le precarite est aujourd'hui partout (Precariousness is Everywhere Nové). Contre-feux. Paris. P. 96-102.

Gorz A. (1982). Farewell to the Working Class: An Essay on Post-Industrial Socialism. London.

Habermas J. (1985). Der philosophische Diskurs der Moderne. Frankfurt am Main.

Hardt M., Negri A. (2000). Empire. Cambridge, MA.

Hart K. (1973). Informal Urban Income Opportunities and Urban Employment in Ghana. Journal of Modern African Studies. No 1. P. 61-90.

Hochschild A. (2003). The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling. Berkley: Univer. of California Press.

Weber M. (1978). Economy and Society. Berkley. Vol. 1.

Поступила в редакцию

17 апреля 2018 г.